

Культурное наследие старинных городов Урала: историографический аспект

Термин «старинный город» сравнительно редко встречается в научной литературе. Чаще употребляются понятия «древний», «средневековый», «феодальный», «капиталистический», «социалистический» и т.п.¹. Наряду с ними широко применяется термин «исторический город»², под которыми понимаются населенные пункты, имеющие памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющий археологическую и историческую ценность.

Термин «старинный город» – универсальная знаковая научная категория. Не каждый исторический город может претендовать на роль старинного и, наоборот, не каждый старинный город может иметь хотя бы формально статус исторического. Каждый город имеет, прежде всего, хронологические рамки, с нижней границы которых он может быть отнесен к «старинному». Таким критерием может быть историческое время, точнее, переход страны из одной эпохи в другую. Методологическим подходом к решению данной научной проблемы следует признать теорию модернизации, согласно которой начало перехода России от традиционного к индустриальному обществу началось с петровских преобразований в начале XVIII в. Следовательно, все российские, в том числе уральские, города, возникшие до XVIII столетия, можно отнести к категории «старинных». Так, Невьянск или Каменск-Уральский, возникшие в 1701 г. как заводы-крепости, имеют статус «исторических» и обладают уникальным культурным наследием. Но причислить их к старинным городам Урала едва ли правомерно, поскольку сам факт их строительства означал начало перехода России от аграрного к индустриальному обществу, что явилось следствием петровской модернизации. Вместе с тем часть уральских городов, являясь старинными, одновременно имеют статус «исторических». Среди них почетное место занимает, например, Верхотурье, отметивший в 1998 г. свое 400-летие.

Города Урала занимают достойное место в истории России: в XVI – XVII вв. как форпосты освоения восточных регионов страны, в XVIII – XX вв. как промышленные, торговые, научно-образовательные и культурные центры государства. И сегодня они играют важную роль в экономическом, общественно-политическом и культурном развитии

страны. Достаточно сказать, что из 1040 современных городов России 140 находятся на Урале, из 13 городов-«миллионников» 4 города (Екатеринбург, Пермь, Уфа, Челябинск) – уральские.

Города Урала имеют богатую историю и уникальное культурное наследие, которые нуждаются в глубоком исследовании и актуализации. Как шло становление уральских городов в исторической динамике? Из 140 городов Урала в XV в. возникли два – Соликамск и Чердынь, в XVI в. – 12, в XVII в. – 20. Таким образом, к старинным городам можно по праву отнести 34 уральских города. Из 34 старинных городов 9 находится в Свердловской области, 4 – в Курганской, 2 – в Оренбургской, 6 – в Тюменской, 4 – в Башкортостане, 9 – в Пермском крае.

Характерно, что большинство из них, кроме областных центров – Кургана и Тюмени, а также Сургута, Нефтекамска, Березников, Верхней Пышмы и ряда других, превратились к началу XXI в. в захолустные провинциальные города с населением менее 50 тыс. жителей и депрессивной экономикой. Более того, к примеру, Пелым, являвшийся в конце XVI – XVII вв. форпостом русской колонизации Северного Урала и Западной Сибири, к началу XXI в. практически исчез с географической карты страны, превратившись в деревушку с населением в два десятка человек.

Вместе с тем, по крайней мере половина из 34 старинных городов Урала обладают уникальным историко-культурным наследием, нуждающимся в глубоком изучении и сохранении. Прежде всего это Соликамск, Чердынь, Верхотурье, Тобольск, Тюмень, Усолье, Уфа, Сургут, Березники, Далматово, Ирбит, Кунгур, Курган, Соль-Илецк, Усолье, Шадринск.

Изучение культурного наследия первых городов Урала началось еще в XVIII в. Заметный вклад в изучение народов Урала, быта и традиций населения старых уральских городов описание архитектурных объектов, прежде всего монастырей и церквей, внесли ученые и путешественники, участники академических экспедиций XVIII в.: И.К. Кириллов, И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.П. Фальк, П.И. Рычков и др.

В трудах исследователей XIX в. – Н.С. Попова, В.Н. Шишонко, Н.К. Чупина, И.Я. Кривошекова – содержалась масса данных по истории, этнографии, статистике Урала, которые прямо или косвенно давали представление о богатом культурном наследии края. Много для изучения естественных богатств и культурных ценностей края сделало созданное в 1870 г. Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ).

Однако в дореволюционный период не было создано специальных работ по данной проблеме, как и обобщающих исследований по истории старинных городов Урала. Да и сам термин «культурное наследие» не был еще введен в научный оборот.

В 1920 – 1930-е гг., когда в массовом сознании и частично в официальной идеологии возобладал культурный нигилизм, облаченный в

форму так называемой «культурной революции», историко-культурному наследию Урала, как и всей страны, был нанесен невосполнимый ущерб. Разрушение культурного наследия коснулось не только крупных, но и старых провинциальных городов. Были закрыты сотни храмов, заброшены и разграблены многие усадьбы, имевшие большую архитектурную ценность, сожжены миллионы икон³. Изучение богатого культурного наследия края прекратилось на десятилетия. Конечно, и в 1940–1950-е гг. выходили в свет отдельные работы по истории уральских городов. Но основное внимание в них уделялось классовой борьбе, деятельности революционных организаций, успехам «социалистического строительства», в первую очередь в сфере экономики и т.п. История культуры в целом освещалась «мимоходом», главным образом через призму расширения сети образовательных и культурных учреждений. Проблемы культурного наследия городов, традиции и новации городской жизни, менталитет горожан оставались практически вне поля зрения авторов.

Рост научно-образовательного и культурного потенциала общества, некоторое ослабление тоталитарных тенденций в государстве, с одной стороны, и дальнейший процесс разрушения памятников в результате индустриализации жилищного строительства и распространения массовой типовой застройки, с другой стороны, привели к возникновению широкого общественного движения за сохранение историко-культурного наследия. Так в 1967 г. появилось Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), сыгравшее в 1960 – 1980-е гг. большую, если не решающую роль в изучении и сохранении объектов, имевших историческую, архитектурную, художественную и научную ценность. Деятельность ВООПИК, формирование кадров профессиональных историков, архитекторов, искусствоведов стимулировали исследовательский интерес к проблемам культурного наследия Урала. Значительный вклад в его изучение в тот период внесли историки А.Г. Козлов, В.Я. Кривоногов, В.В. Мухин, архитекторы Н.С. Алферов, Г.С. Заикин, А.А. Стариков, искусствоведы А.М. Раскин, В.Е. Звагельская и др.

Активизировалась работа по созданию серии книг по истории городов, в том числе старейших, а также имевших статус «исторический город». Появились исследования по истории Соль-Илецка, Соликамска, Верхотурья, Ирбита, Чердыни и других старинных городов Урала⁴. Так, в книге Г.Н. Чагина «Чердынь» не только дан исторический очерк города, но имеются содержательные приложения, характеризующие исторические места и памятники архитектуры Чердыни. Среди них, например, старейший памятник – ровесник города – Троицкая гора, на которой сохранились остатки Чердынского кремля XVI в., с чего, собственно, и начинался будущий старинный город Урала. В окрестностях Чердыни находится также древнейший из сохранившихся памятников деревянного

зодчества начала XVI в. – церковь в селе Пянтег. Церковь имеет строго шестигранную форму, шатровое завершение с маленьким куполом и алтарным прирубом с двухскатной крышей. Единственный в своем роде памятник, аналогов которому в России не существует. Не случайно даже в советское время ему был присвоен статус памятника архитектуры союзного значения⁵. И таких примеров уникального культурного наследия старинных городов Урала можно привести немало. В книге М.С. Клипиницера «Соль-Илецк» рассказывается об истории этого старейшего на Урале города, основание которого в начале XVI в. связано с освоением богатейших залежей каменной соли на горе Тустеби. Но культурное наследие старинных городов – это не только недвижимые памятники, но и память об известных россиянах, проживавших в городе в разные исторические эпохи. Так, в середине XIX в. в Илецкой Защите жили и продолжали свою творческую деятельность русский поэт А.Н. Плещеев, украинский поэт Т.Г. Шевченко, писатель М.Л. Михайлов⁶.

В рамках небольшого сообщения не представляется возможным дать полный историографический обзор литературы по обозначенной теме. Отметим лишь, что на рубеже XX – XXI вв., когда шел процесс самоидентификации регионального сообщества, интерес ученых и общественности к культурному наследию края резко возрос. Свидетельство тому – возрождение краеведческого движения (Общество уральских краеведов и др.), проведение крупных историко-краеведческих форумов (Татищевские чтения, Чупинские чтения, Бирюковские чтения, Невьянские Демидовские чтения и др.), создание фундаментальных научно-справочных изданий (Уральская историческая энциклопедия, Энциклопедия Екатеринбурга и др.). Так, в «Уральской исторической энциклопедии» содержатся статьи-справки обо всех 140 городах края, в том числе старинных, где указаны объекты культурного наследия, имеющие не только общероссийское, но и мировое значение.

В 1990-е гг. возобновилась работа по изданию серии книг по истории старинных городов Урала⁷. В книге-альбоме «Старина Кунгур» представлена драматическая картина зарождения и становления города, показано, как складывался его архитектурный облик, соединивший в себе кружева барокко и строгость ампира, черты эклектики и модерна. С конца XVIII столетия над заречной частью Кунгура высится колокольня и пятиглавие Преображенской церкви. Сохранилась и Никольская трапезная церковь, отличающаяся праздничным убранством и необычным воссозданием форм древнерусской архитектуры. Однако были в истории архитектуры Кунгура и невосполнимые потери. В 1930-е гг. здесь были разрушены Благовещенский и Богоявленский соборы, Скорбященская и Мининская церкви. Список утрат архитектурного наследия Кунгура и других старинных городов Урала можно продолжать до бесконечности...

В очерках «Верхотурский край в истории России» и «Ирбитский край в истории России» содержится богатый материал по истории старейших уральских городов – Верхотурья и Ирбита, их уникальных памятниках старины, а также по проблемам сохранения историко-культурного наследия края. Так, в статье Т.Г. Мосуновой, Г.А. Неподобной, Н.Н. Тагильцевой рассказывается действительно о героической деятельности энтузиастов – историков, краеведов, архитекторов, искусствоведов – по спасению ценнейших памятников архитектуры Верхотурья: Крестовоздвиженского собора, Свято-Николаевского монастыря и др.⁸

В 1998 г. состоялась Всероссийская научная конференция «Культурное наследие российской провинции: история и современность», посвященная 400-летию Верхотурья⁹. В докладах Е.Т. Артемова и С.П. Постникова, В.И. Байдина, А.А. Старикова, Г.Н. Чагина и др. нашли отражение проблемы изучения, сохранения и актуализации историко-культурного наследия городов российской провинции, в том числе старинных городов Урала – Верхотурья, Шадринска, Пелыма, Березова и т.д. Данная конференция стала одной из самых значимых как по тематике поднятых вопросов, так и по научному уровню докладов и сообщений.

Исследование культурного наследия уральских городов продолжается. Важно, чтобы они воплощались не только в книгах, но и в социальной практике. «Наследие» – не только культурологическая и духовно-нравственная категория. Наследие имеет экономическую составляющую – рекреационную и туристическую. Осознание этого приведет к новым инвестициям в старинные города Урала и будет способствовать их экономическому и социокультурному возрождению и развитию.

¹ См.: Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956; Средневековый город. Сб. ст. Саратов, 1968; Вагнер Г.К. Старые русские города. 3-е изд. М., 1988; и др.

² Исторические города СССР. Новое и старое. М., 1987.

³ См.: Неподобная Г.А. Государственная политика в отношении культурного наследия. 1921–1929 гг. (На материалах Урала). Автореф. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002; Андреева В.В. Монастыри Екатеринбургской епархии: административно-экономическое и социально-культурное развитие (1861–1935 гг.) Автореф. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

⁴ Клипиницер М.С. Соль-Илецк. Исторический очерк. Челябинск, 1970; Чагин Г. Чердынь. Краткий исторический очерк. Пермь, 1972; Герштейн Я.Л., Смирных А.И. Ирбит, 1981; и др.

⁵ Чагин Г. Чердынь. Краткий исторический очерк. С. 120, 123.

⁶ Клипиницер М.С. Соль-Илецк. Исторический очерк. С. 3, 9.

⁷ См.: Старина Кунгур. Б.М., Б.Г.; Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997; Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края (к 400-летию Верхотурья). Екатеринбург, 1998; Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000; и др.

- ⁸ Мосунова Т.Г., Неподобная Г.А., Тагильцева Н.Н. Проблема сохранения историко-культурного наследия Верхотурья //Верхотурский край в истории России. С. 93 – 104.
- ⁹ Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурье. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. 26–28 мая 1998 г. Екатеринбург – Верхотурье, 1998.

ПУНДАНИ В.В. (Курган)

Провинция в духовном потенциале России

В течение ушедших в прошлое двух последних столетий российской цивилизации в лексиконе многих сограждан термины «провинция», «провинциальный», «провинциализм» употреблялись с достаточно чётко выраженным негативным отношением: провинциал – живущий в отдалённой от столицы местности, в провинции, на периферии человек с ограниченными интересами, с узким кругозором и т.д.

Насколько соответствовали действительности подобные оценки?

Уроженец села Першино Шадринского уезда Пермской губернии В.П.Бирюков на страницах «Краеведческого вопросника» (издан в г. Перми в 1929 г.) подчеркнул: «Мы, жители глухих углов, ничуть не хуже какой-то заграницы. Но свой край для краеведа – отнюдь не пуп ЗСМЛИ, не есть что-то оторванное от остальной массы человечества. Этот край – лишь кусочек из мозаичной картины мировой жизни, в чём начинающий краевед вскоре же убедится, когда на каждом шагу начнёт делать множество еле заметных открытий, дающих в своей массе вклад в науку обо всём государстве. Но нередки и случаи, когда одно открытие краеведа заставляет говорить весь учёный мир¹

Очевидна глубокая убеждённость автора в ценности работы краеведа, стремление пробудить у любого человека чувство гордости за свою малую родину – провинцию и, несомненно, подлинный научный историзм.

Родившийся 10 (22) июля 1888 г. В.П. Бирюков, окончил два высших учебных заведения – Казанский ветеринарный и Московский археологический институты. Работал директором основанного им Шадринского научного хранилища, Уральского областного библиотечного коллектора, читал лекции по фольклору и древнерусской литературе в Шадринском, Курганском, Свердловском и Челябинском педагогических институтах. Он – организатор десятков фольклорных, географических, этнографических и археологических экспедиций по Уралу, автор 30 книг и брошюр, свыше тысячи статей по истории и культуре Урала²

В.П. Бирюков был подвижником–краеведом, создавшим одно из мощных культурных гнёзд в российской, зауральской провинции, на-